

Польский триумф
в Варшаве в 1661 г.
по случаю побед
польско-литовских
войск предыдущего
«счастливого года»:
московский перевод
специального
выпуска первой
польской газеты
«Merkuriusz Polski»
из архива Тайного
приказа*

The Polish Triumph
in Warsaw in 1661 on
the Occasion of the
Victories of the Polish-
Lithuanian Troops of
the Previous “Happy
Year”: the Moscow
Translation of a
Special Issue of the
First Polish Newspaper
“Merkuriusz Polski”
from the Archive of
the Secret Chancellery

* Авторы работали над текстом совместно в равной степени. Благодарим
О. С. Смирнову за перевод польских текстов.

Цитирование: Кроль П., Малов А. В., Шамин С. М. Польский триумф в Варшаве в 1661 г. по случаю побед польско-литовских войск предыдущего «счастливого года»: московский перевод специального выпуска первой польской газеты «Merkuriusz Polski» из архива Тайного приказа // *Slověne*. 2019. Vol. 8, № 2. С. 350–376.

Citation: Kroll P., Malov A. V., Shamin S. M. (2019) The Polish Triumph in Warsaw in 1661 on the Occasion of the Victories of the Polish-Lithuanian Troops of the Previous “Happy Year”: the Moscow Translation of a Special Issue of the First Polish Newspaper “Merkuriusz Polski” from the Archive of the Secret Chancellery. *Slověne*, Vol. 8, № 2, p. 350–376.

DOI: 10.31168/2305-6754.2019.8.2.12

Петр Кроль

Исторический институт Варшавского университета
Варшава, Польша

Александр Витальевич Малов

Институт российской истории РАН
Москва, Россия

Степан Михайлович Шамин

Институт российской истории РАН
Москва, Россия

Piotr Kroll

Institute of History, University of Warsaw
Warsaw, Poland

Alexandr V. Malov

The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Stepan M. Shamin

The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Резюме

Работа посвящена московскому переводу специального выпуска первой польской газеты «Merkuriusz Polski» из архива Тайного приказа, который рассказывает о польском триумфе в Варшаве в 1661 г. по случаю побед польско-литовских войск предыдущего «счастливого года». Анализируется история создания текста, его появления в России, литературные особенности польского издания и его русского перевода. Рассматриваются вопросы хранения газеты и ее перевода в приказных архивах. Памятник представлен на фоне других литературных произведений, посвященных данному событию. Авторы обращаются к основным эпизодам военной кампании 1660 г., отраженным в польских агитационных материалах. Освещаются меры, предпринимавшиеся русским правительством для борьбы с польской пропагандой и для распространения в Европе российской точки зрения на происходившее. Показано, что, несмотря на ожесточенную борьбу между странами, их культурное взаимодействие продолжалось, приобретая форму информационной войны. В приложении публикуется русский перевод и польский оригинал литературного памятника.

Ключевые слова

Русско-польская война 1654–1667 гг., информационная война, газета «Merkuriusz Polski»

Abstract

The paper examines the Moscow translation of a special issue of the first Polish newspaper “Merkuriusz Polski” in the archive of the Secret Chancellery, which recounts the Polish triumph in Warsaw in 1661 on the occasion of the victories of the Polish-Lithuanian troops of the previous “happy year”. The history of the text's creation and its appearance in Russia is reviewed, as well as the literary features of the Polish edition and its Russian translation. Also addressed are the issues of the documents' archival storage.

The text in question is contrasted with other literary works dedicated to the event. The authors also turn to the main episodes of the 1660 military campaign and the measures taken by the Russian government to combat Polish propaganda materials and to disseminate in Europe their own view of the conflict. The authors show that, despite the fierce struggle between the countries, their cultural interaction continued, taking the form of an information war. In the annex, the texts of the Polish original and its Russian translation are published.

Keywords

Russo-Polish War (1654–1667), information warfare, newspaper "Merkuriusz Polski"

Русско-польская война 1654–1667 гг. оказала огромное влияние на дальнейшую историю Восточной Европы. В ходе боевых действий чаша весов военной удачи неоднократно склонялась то на одну, то на другую сторону, постепенно раскалывая Украину и погружая ее в эпоху «Руины». Анализируемый нами документ является уникальным литературно-историческим памятником того драматического времени.

Изложим кратко хронологию событий, предшествовавших написанию текста. В начале 1660 г. российские власти попытались переломить ход войны, направив войска вглубь польской территории. На юге боярину воеводе В. Б. Шереметеву предстояло вести армию на Львов. Вместе с ним шли левобережные казаки под командованием наказного гетмана Т. Цецуры. По дороге к Львову с ними должен был соединиться гетман Ю. Хмельницкий. Против русско-казацких войск выступила польская армия под командованием коронного гетмана С. Потоцкого и польного гетмана Ю. Любомирского. К ним пришла на помощь Крымская орда. Шереметев, столкнувшись с превосходящими силами противника, в ожидании казаков Хмельницкого стал обороняться, а потом начал отступление.

Надежды Шереметева на помощь союзника не оправдались. Хмельницкий после небольшого сражения под Слободищами заключил с поляками перемирие, а затем и мир (17 октября 1660 г.), по которому обязался признать власть польского короля и биться против Шереметева. Последний начал переговоры с поляками, в результате которых пообещал, что русские войска покинут Украину, отдав польской стороне оружие и знамена. Текст капитуляции, к которому апеллируют историки, представляет собой приложение из 12 кондиций к так называемым «Новинам» (powiny — вести, новости), посланным из польско-литовского лагеря 31 октября 1660 г. Документ сохранился в составе так называемых Тек Нарушевича (рукописных копий, изготовленных в XVIII в. по

заказу Адама Нарушевича) и был опубликован Франчишком Ключицким. Сам характер документа заставляет отнести к нему осторожно, поскольку уже в заголовке подчеркнуто, что Шереметев сдался как королю, так и хану (хотя обоих монархов не было рядом с местом битвы). Между тем наблюдатели со всех воевавших сторон в один голос свидетельствуют, что по условиям сдачи никто из русского войска не должен был попасть к татарам. Составители документа явно пытались задним числом подправить его условия, чтобы «сохранить лицо» [Pisma do wieku 1880], каковая тенденция отчасти была подхвачена польской и украинской историографиями. После сдачи оружия татары, будучи польскими союзниками, стали брать в плен и убивать обезоруженных русских [Бабулин 2006; Курбатов 2019: 167].

На территории Великого княжества Литовского действия российских войск также были не слишком удачными. Первоначально князь И. А. Хованский, командовавший Новгородским полком, добился крупных успехов, планировалось даже наступление на Варшаву. Однако постепенно польские военачальники начали теснить его. Гетман великий литовский П. Сапега и воевода русский С. Чарнецкий соединились 23–24 июня 1660 г., а 28 июня в битве под селом Полонкой нанесли Хованскому сокрушительное поражение. Российские потери составили до 1000 конных и 2500 пеших, в плен попало не менее 700 человек. Это поражение повлекло за собой капитуляцию Новогрудка, Бреста, Гродно и Вильно [Курбатов 2003].

Успешные действия польско-литовской армии не позволили России довершить разгром Речи Посполитой. Они и стали поводом для торжеств, описываемых в документе, перевод которого был составлен для царя Алексея Михайловича. Источником русского перевода стал «*Merkuriusz Polski Extraordinaryny*» № XXXVI от 17 июня 1661 г. [Merkuriusz Polski 1]. Это один из номеров первой польской печатной газеты, которую основали король Ян Казимир и его сторонники. Издание адресовалось шляхте Речи Посполитой (тираж составлял 300–400 экземпляров), а его целью было убедить польскую знать принять проводимые двором государственные реформы, способствовавшие укреплению королевской власти. По понятным причинам в газете прежде всего прославлялись дела и победы короля Яна Казимира, а кроме того, сообщались различные политические и экономические новости, описывались различные необычные события, например, появление над Оломоуцем кометы.

Редактором первой польской печатной газеты стал королевский секретарь Иероним Пиноччи (Hieronim Pinocci). С 3 января 1661 г. газета публиковалась в Кракове, а с мая 1661 г. — в Варшаве. После того как на

сейме 1661 г. реформаторские проекты короля не получили поддержки, газета обанкротилась [Майер 2008: 30–31]¹. Стоит заметить, что сейм 1661 г. должен был заниматься двумя важными вопросами: реформа проведения заседаний сейма и реформа элекции (выбор наследника короля). Очень важная роль в этих вопросах отводилась коронным гетманам, осененным славой победителей кампании 1660 г. и имевшим большое влияние среди шляхты в войске. Двор решил использовать их популярность и военные успехи для того, чтобы убедить членов сейма согласиться с предложенными реформами. Торжественный парад, сложение знамен и показ московских пленных также подчеркивали власть и могущество Речи Посполитой и ее монарха. Это выглядело и реверансом в сторону гетманов, на поддержку которых рассчитывал король.

Интересующий нас выпуск относится уже к «варшавскому» периоду издания. В отличие от «ординарных номеров», «экстраординарный» выпуск хотя и входил в сплошную нумерацию издания, состоял всего лишь из 4 страниц и содержал только один текст — описание парада в Варшаве. Понять, как эта тоненькая тетрадка попала в Москву, можно, опираясь на заглавие русского перевода. В нем упоминается, что оригинал «привез ис Полши подьячей Ларион Иванов». Ларион Иванов послан в Польшу гонцом 30 ноября 1660 г., он должен был выяснить, согласится ли польский король установить перемирие и провести посольский съезд. Иванову пришлось задержаться в Речи Посполитой. 14 января 1661 г. туда вслед за ним направились посланник стольник Замятня Леонтьев и дьяк Михайлов, которых отпустили из Варшавы 15 июля. Вместе с ними отбыл и Ларион Иванов [Бантыш-Каменский 1897: 135].

XXXVI выпуск «Merkuriusz Polski» сохранился в РГАДА среди документов, перешедших сюда из Московского главного архива МИД, находившегося Посольскому приказу [Merkuriusz Polski 2]. Однако, вероятнее всего, это не тот экземпляр, с которого делался перевод. Дело в том, что в описи Посольского приказа 1673 г. упомянута «белая коробья», где кроме других печатных иностранных изданий лежал «Меркуриус полской печатной экстраординальный [так в описи. — Авт.] 1661-го году, не весь, тетрадей иных нет, толко по смете 36 тетрадей, а в иных тетратках по два и по одному листу» [Опись архива 1990: 242, 256]. Сейчас в архиве находится большая подшивка [Merkuriusz Polski 2]. Надо полагать, что именно с нее делался перевод, который упомянут в переписной книге документов приказа Тайных дел 1676 г. Под № 16 там фигурирует «Перевод с польских печатных тетрадей, что привез ис

¹ См. также историографию «Merkuriusza» [Lankau 1960; Libiszowska 1955; Majewska-Grzegorzyczkowa 1956; Przyboś, Magdziarz 1975].

Польши думной дворянин Афонасей Лаврентьевич Ордин Нащокин во 171-м (1662/1663) году» [РИБ 1907: 4, 5]. Вполне вероятно, что исследуемый текст переводился дважды, хотя более поздний перевод, скорее всего, утрачен, как и оригинал более раннего перевода.

Характерно, что привезенная Ордином Нащокиным газета хранилась в Посольском приказе, а ее перевод — в Тайном. Это связано с тем, что у Тайного приказа не было собственных переводчиков и его руководство привлекало переводчиков внешнеполитического ведомства. Исследуемый перевод также хранили в Тайном приказе. Об этом свидетельствует скрепа: «ди- || -ак || Арте- || -мон || Афа- || -нас- || -ев», — идущая по всем листам перевода. Именно этот дьяк занимался разбором архива Тайного приказа в 1670-х гг. Перевод не хранился отдельно, а был частью большого столпа — скрепа на столбцах перевода начинается элементом «Арте-» на л. 155, а обрывается элементом «-нас-» на л. 164.

Почему в Москве настолько заинтересовались этим описанием, что перевели его дважды? Дело в том, что негативные материалы о России собирали в Москве целенаправленно. Еще летом 1660г. находившийся на русской службе англичанин Иван Гебдон (Старший), посланный в звании резидента в Голландию и Англию, живя в Амстердаме, узнал о распространении польских новостей про поражение русской армии. 30 декабря 1660 г. из Амстердама Гебдон писал «з большим, плачевным мыслом» Ордину-Нащокину, что «неприятели Государя нашего розславили здесь и в ьных землях, будто Великого государя царя нашего войска, которое было у боярина и воеводы, у Василья Борисовича Шереметева... все побиты и разорены, и тотаре многих в полон взяли». Резидент просил прислать правдивые известия для публикации в целях борьбы с распространяемыми поляками слухами.

В посланных Гебдону образцовых авизах правительство Алексея Михайловича дало официальную оценку действиям польского командования: «с Шереметевым и с московским войском учинили перемирье... и учинили веру, и в той вере и в крестном целованье не устояли — обманом Шереметева взяли и отдали татаром, а московское войско розобрали по себе, а иных неболших людей и побиили» [О приглашении в Россию: 39–40]. Грамота инструктировала комиссариуса:

как к тебе ся наша грамота придет, а авизы печатные в немецких государствах и в ьных городех о побое боярина Василя Борисовича Шереметева с товарищи наших, великого государя, ратных людей их полков учнут выходить, и ты б те авизы покупал и после тех авиз велел напечатать авизы другие по образцовому писму, каково к тебе послано под сею нашу великого государя грамотою; а в речах — по немецкому извычаю, как в Курантех ведетца, и справил с собою. Только б дела не убавить — тебе о том нам, великому

государю, порадеть: авизы переменить и велеть напечатать многие, хотя от того доведетца и дать, — чтоб во всех государствах то было явно. А каковы авизы куплены будут, и каковы твои по образцовому писму выдут, и ты б те авизы прислал к нам, великому государю, к Москве без мотчанья [О приглашении в Россию: 37–38]².

Аналогичное «образцовое письмо» было отправлено любекскому купцу Ягану фон Горну, чтобы Горн напечатал «образцовое письмо» на немецком языке и разослал по окрестным государствам [Соловьев 1991: 90; Подлинное объявление].

Выше мы рассмотрели политические причины, побудившие Алексея Михайловича ознакомиться с данным документом. Однако текст представляет интерес и с точки зрения истории культуры. Дело в том, что, воюя с западными соседями, Алексей Михайлович и его двор одновременно испытывал мощное влияние их культуры. Достаточно вспомнить, что одним из «приобретений» времен русско-польской войны был придворный поэт Симеон Полоцкий. Применительно к обсуждаемой публикации нужно вспомнить, что российское правительство в XVII в. постоянно проявляло большой интерес к польскому и, шире, к европейскому церемониалу [Шамин 2011: 263–273]. Вопрос о влиянии европейской культуры XVII в. на русскую имеет огромную историографию. Однако малые литературные жанры в этом отношении изучены недостаточно. Между тем они вносили свою лепту в постепенную культурную трансформацию московской политической элиты.

Можно с уверенностью говорить о том, что в Москве этот текст воспринимали не только как военно-политическую информацию, но и в качестве литературного сочинения — пусть и в жанре политической публицистики, о чем говорят особенности перевода. Рабочие тексты в Посольском приказе переводили русским языком, а литературные украшали церковнославянизмами [Королев, Майер, Шамин 2009]. Именно так обстоит дело и в нашем случае. Первый абзац перевода:

Сейм нынешней, хотя красотою и собранием великого множества людей, всякому есть во дивление купно и с сказанием лепоты и можности той коруны, которая по многих тяжких напастях от своих падений тем славные востает, чем зельнее осуждена была у света к падению. Однако никакое стройство и наряд (*Л. 156*) лутчи очесам людским не показалася домовым и окрестным, как стройная езда панов гетманов обоих народов, как в город одни в день святые Троицы, а иные на завтрее в понеделник въезжали, ведучи вязней и знамена московские таковым урядством.

² Составленное русскими дипломатами для распространения за рубежом «образцовое письмо» полностью опубликовал Гурлянд [Гурлянд 1903: 22, 23, 60, 61, 63, 65].

Славянизмы «дивление», «купно», «лепоты», «зельнее», «очесам» сигнализировали читателю, что он имеет дело с произведением высокого стиля.

Зачитываемые на заседании Думы или лично царю тексты, помимо воли слушателей, транслировали им систему ценностей той культуры, в которой сочинение создавалось. Особенно сильно такое влияние должно было проявляться в тех случаях, когда тексты составлялись писателями с хорошим слогом. Исследуемый в данной работе памятник имеет очевидные литературные достоинства, которые сохранены и в переводе. Описание победы проникнуто рыцарским духом, который позднее так ценил и мечтал вселить в российское дворянство Петр I. Хотя слово «рыцарь»³ в тексте отсутствует, автор явно стремился подчеркнуть рыцарское благородство поляков, а особенно польского короля и его супруги. Справедливости ради следует отметить, что на практике рыцарский кодекс далеко не всегда был путеводной звездой польского воинства. Достаточно вспомнить хотя бы один тот факт, что среди пленных на параде отсутствовал командовавший русской армией боярин Шереметев. Выдача его в руки татарам противоречила условиям договора, заключенного под Чудновым. Поскольку самая блестящая победа «польско-литовского орла» в войне 1654–1667 гг. сопровождалась весьма сомнительным с точки зрения декларируемых рыцарских идеалов поведением триумфаторов, остановимся подробнее на отражении польского политического нарратива XVII в. в историографии.

Влияние современных событиям Чуднова польской политической публицистики на историографию — в первую очередь польскую — ярко проявилось в ретушировании или даже оправдании совсем не рыцарского поведения польских гетманов. Так, уже Тадеуш Корзон объявил, что во всем виноват царь, не утвердивший условия капитуляции, словно забывая, что условия были нарушены сразу же, когда Алексей Михайлович и знать о них не мог [Korzon 2005: 69]. Либо историки пишут о равной ответственности проигравшей и победившей стороны за грубое нарушение условий капитуляции, словно победившая и сдававшаяся стороны находятся в равных условиях. При этом акцентируется внимание на том, что в ходе переговоров русские согласились на выдачу казаков татарам и даже выдавали тех «черкас», кто пробовал скрыться в их рядах, когда казаки покидали лагерь. Мирослав Нагельский пишет, что и польское, и русское командование без особых колебаний выдало

³ Появляющееся в тексте выражение «рыцарство коронное» означает солдат шляхецкого происхождения и служащих в кавалерийских хоругвях. Таким образом подчеркнута преемственность традиции рыцарской службы шляхты того времени.

казаков татарам, так как каждая из сторон считала их изменниками [Ossoliński 2006: 92; Nagielski 2013: 310–311].

Когда в армии Шереметева получили весть об измене царю Юрия Хмельницкого под Слободищами, наказной гетман сепаратно от Шереметева договорился с польским командованием о капитуляции и, оставив в качестве прикрытия большую часть своего корпуса, со старшиной и частью казаков бежал под Слободищи, не дожидаясь условленных сроков капитуляции. Один из авторов настоящей статьи возлагал на этом основании на переяславского полковника большую степень вины за взятие татарами большей части оставшихся в лагере казаков в ясырь (единственным условием капитуляции Цецуры была неотдача казаков татарам, гарантированная польским командованием) [Kroll 2008: 390].

Однако, памятуя историю корпуса Шереметева во главе с самим командующим, необходимо признать, что Цецура при всей циничности своего поступка показал себя — пусть не командиром, но политиком — более реально оценивавшим договороспособность польского командования. Когда основная часть казаков Цецуры начала разбегаться и перебегать на сторону поляков, гнев обреченных русских воинов обратился на тех, кто еще оставался в укрепленном русско-казацком лагере. Тогда и случилась психологически понятная, хотя и весьма неоднозначная с моральной точки зрения история: русские воины, разъяренные предательством одних казаков, выгнали из лагеря или прямо выдали татарам других казаков. Жертвами гнева тогда оказались казаки как просто не успевшие уйти с Цецурой, так и еще сохранявшие верность царю. К этому следует добавить и то, что смысл всей трагически закончившейся экспедиции Шереметева состоял в действиях объединенных гетманско-русских войск. И в том, что «случение» сил не состоялось, и в том, что армия оказалась блокированной, русское командование и войско также винили гетмана и Войско Запорожское (что, впрочем, часто бывает между соратниками в случае поражения).

Согласно одному из пунктов капитуляции, польская сторона могла удерживать русских воинов и их командиров в качестве заложников, гарантировавших выход царских гарнизонов из всех украинских городов. По большей части в польской историографии из работы в работу кочует мнение, что договор не был исполнен и русские гарнизоны не сдали крепости на Украине по вине татар, когда последние силой захватили в плен большую часть русского корпуса Шереметева и вытребовали себе самого боярина (например, см.: [Nagielski 2013: 311, 313]). Оправдывая грубое нарушение польским командованием во главе с Ежи Любомирским условий капитуляции, подписанной русским командованием во главе с Шереметевым, польская историография утверждает,

что гетманы пошли на выдачу татарам сдавшихся полякам русских пленных во главе с командующим, «понимая трудность своего положения», а вовсе не ради того, чтобы без финансовых потерь расплатиться с опасным союзником.

По мнению большей части польских и украинских ученых, польское командование не смогло противостоять шантажу татар, угрожавших расторгнуть военный союз Речи Посполитой с Крымом. Актуальность этого союза для Речи Посполитой прекрасно понимали и сами крымцы. Из-за этого даже обычно помогавший в сношениях с татарами подкуп крымской верхушки мало помог Любомирскому и Потоцкому решить вопрос с пленными [Герасимчук 1913: 46 та інші]. Простые крымцы дошли до того, что, вопреки достигнутым соглашениям, уже после подписания договора и сдачи русскими оружия сначала напали на польских солдат, грозя разрывом союза, а потом атаковали лагерь Шереметева. По мнению польской историографии, развитие событий показало, что, даже если бы поляки стали оборонять пленных под угрозой собственного пленения, татары отправились бы за ними вплоть до Путивля, пока не покончили бы с остальными. Ситуация оказалась серьезной, «потому что дело, которое должно было принести им (гетманам) славу, а королю пользу, могли испортить бесстыдные союзники» [Romański 2008: 181].

В конце концов поляки решили выдать татарам Шереметева и оставить у себя других командиров. Исполняя условия капитуляции (в польской версии — заботясь о судьбе русских ратных людей) и предполагая возможность татарского нападения, они решили оборонять лагерь полком пехоты. Однако предпринятые меры не предотвратили значительных потерь от ночного нападения орды. Большинство русских воинов погибло или попало в плен, а часть укрылась в польском лагере. Татары объясняли ночные события неповиновением некоторых своих отрядов, но не оставляли попыток похитить русских и из польского лагеря. Как подчеркивают польские ученые, именно внушительная фигура гетмана Любомирского и угроза применения силы в конце концов остановили орду. Тем не менее неприятный осадок остался, и многие крымцы не смогли смириться с таким положением вещей. Впрочем, Ромуальд Романький признает, что, в переговорах с русским командованием польские вожди умолчали о своей договоренности с татарами о равном разделении пленных русских и казаков между союзниками [Ibid.].

Почти все польские историки пишут о том, что командовавший крымской ордой нураддин Мурад-Гирей пытался сорвать подписание договора о капитуляции и настаивал на продолжении военных действий до победного конца, шантажируя гетманов угрозой разрыва союза. По крайней мере отчасти воинственность крымского союзника

объясняется тем, что войска нураддина не могли быть задействованы против сомкнутых боевых порядков русских и казачьего табора, поэтому сравнительно мало пострадали в ходе ожесточенных боев этой кампании⁴. Антоний Хнилко, а следом за ним и Лукаш Оссолинский и М. Нагельский пишут, что татары буквально «выкручивали руки» польскому командованию, заставив его в итоге следовать их договоренности и грубо нарушить условия договора с Шереметевым [Hniłko 2012: 89–97]. При этом Оссолинский в полной мере признает, что «татарское вероломство» было «на руку» Потоцкому и Любомирскому, которые расплатились таким образом с ордой за союзническую помощь, выдав ей уже капитулировавшую и разоруженную армию Шереметева, причем не только воинов, остававшихся в русском лагере под символической охраной польской пехоты, но и тех дворян и детей боярских, которые уже успели укрыться от татар в польском лагере [Ossoliński 2000: 46].

Если вспомнить «авизы» Алексея Михайловича о Чуднове, то надо признать, что и российская историография — в первую очередь современная⁵ — в своих оценках действий польского командования отчасти следует русскому нарративу XVII в. В том числе современные российские историки (И. Б. Бабулин, О. А. Курбатов, А. В. Малов и некоторые другие) в оценке Чудновской капитуляции исходят из того, что договоры (в том числе условия военных капитуляций) должны соблюдаться исходя не из сиюминутной выгоды победившей стороны, а в силу того, что они подписаны обеими договаривающимися сторонами. История Чудновского польского триумфа и русско-казачьей трагедии лишний раз напоминает нам, что литературный идеал и жизненная практика не всегда идут рука об руку, публицистика же, как и любой нарратив, имеют четко выраженную тенденцию представить взыскуемый идеал свершившимся фактом.

Так, на страницах «Польского Меркурия» (Merkuriusz Polski) из-под пера, вероятно, Иеронима Пиноччи на читателя взирали независимость, мужество, честь и отвага, а также великодушие польского воинства. «Природная гордость» поляков заставляла их соревноваться блеском одеяний не только с соседями, но и между собой. Множество важных

⁴ О том же пишет на базе польских нарративных источников и украинский историк Иван Ярмошик, к сожалению, допуская досадные ошибки в фамилии и титулатуре Шереметева [Ярмошик 2019: 128].

⁵ Необходимо учитывать, что классическая русская историография времен С. М. Соловьева и В. О. Ключевского, создавалась, когда основные фонды массовых документальных источников XVII в. были еще недоступны историкам, и поэтому находилась под мощным влиянием как западноевропейского, так и польского нарратива XVI–XVII вв. Советская же историография акцентировала внимание главным образом на социально-политических и социально-экономических вопросах и проблемах.

пленников и замечательных трофеев подчеркивали воинскую доблесть участников парада. Сочинитель стремился показать читателю то благородство, с которым королевская чета относится к поверженному врагу. Королева лично принимала «сверх достоинства» жену и невестку попавшего в плен воеводы П. М. Голенищева. И это утверждение справедливо, поскольку, несмотря на древность фамилии, Голенищевы не относились к числу первых семейств московской знати⁶. Но особенно великодушно ведет себя сам король. Он прощает пленному воеводе князю Г. А. Козловскому его нежелание кланяться перед монархом Речи Посполитой. А в последних строках Ян Казимир вообще отказывается попирать поверженные к его стопам московские хоругви, продемонстрировав всему миру «мудрое рассуждение и христианское смирение». Этот жест произвел на очевидцев событий огромное впечатление и широко комментировался, о чем свидетельствуют записи в дневниках («диариушах») этого сейма.

Все, что делали король и его жена, преследовало цель вызвать симпатию к ним в глазах шляхты, которая рассматривала подобные действия как знак доброты и уважения к поверженному врагу. Скорее всего, это делалось в целях пропаганды, но не следует и полностью исключать того, что мы имеем дело с незапланированным жестом, сделанным по велению сердца.

Автор польского сочинения сумел подчеркнуть внимание высших сил к польскому воинству. Сделал он это через образ двух орлов, круживших над торжествующей армией Речи Посполитой. Орел широко представлен в эмблематике европейского Средневековья, олицетворяя, вместе с другими хищными птицами, мужество, благородство и силу. Не только для польских, но и для русских читателей это был «свой», не требующий дополнительных пояснений образ. Достаточно вспомнить орла на российском гербе [Соболева 2006: 99–156; Пчелов 2011: 9–40]. Писатель заставлял читателя задуматься о том, что, покружив в небе над празднующим победу польским панством, орлы разлетелись в разные стороны. В качестве сопоставления сочинитель отсылал к орлу, кружившему над войском Шереметева, а затем упавшему и пойманному татаринном: это предрекало победу польских войск и их союзников.

Посвященное орлам отступление представляет интерес и как литературный прием. Оно вклинивается в середину текста, оживляя монотонное описание действия, которое могло уже несколько поднадоесть потребителю литературной продукции. «Орлиный» экскурс выступает в той же самой роли, которую играли *exemplum* («примеры»), оживлявшие поток морализаторства средневековой проповеди.

⁶ Род Голенищевых представлен лишь в главе 18 Бархатной книги [Новиков 1787: 12].

Впрочем, далеко не все литературные изыски оригинала становились доступны русскому читателю. Так, многочисленные вставки на латыни (типа *res notabilis & a multis notata occurrit* перед пассажем про орлов, переведенное как «Речь знатная и от многих до разсуждения годная») в польском тексте подчеркивали образованность автора, а также выделяли особо важные и возвышенные мысли, однако в русском тексте они сливались с основным текстом. Своеобразной компенсацией этого приема стало упомянутое уже использование славянизмов.

Ни сам триумфальный парад, ни реляция не оправдали возложенных надежд. Сейм так и не согласился на предложенные королем реформы. На это одинаково повлияли как нежелание шляхты принимать предложенные изменения, так и войсковая конфедерация, которая сложилась в начале июня этого года и фактически ограничила возможности Речи Посполитой использовать победы, одержанные на восточном театре военных действий. Остался лишь ценнейший документ, описывающий такого рода церемонии.

Исследуемый здесь польский публицистический нарратив является собой достаточно редкий случай из русско-польской истории XVII в., когда польский взгляд и польская оценка могут быть сопоставлены не только с официальными российскими документами, но и с наблюдениями западноевропейца, а также — что уникально — со свидетельством русского нарратива, вышедшего из-под пера одного из участников описываемых событий.

Одним из свидетелей разыгранного на Краковском предместье польского триумфа был знаменитый шотландский наемник Патрик Гордон, поместивший краткий рассказ о нем перед записью, датированной 16 июня: его текст не только дополняет польскую версию событий, но и несколько расходится с ней. На него также произвел впечатление резонансный эпизод с пленными русскими воеводами и князем Г. А. Козловским: «Им было велено поклониться королю так же, как обычно кланялись царю, но те отказались, особливо князь Григорий Афанасьевич Козловский, который открыто порицал (поляков) за нарушение капитуляции. Однако его заставили замолчать и увели в отведенное им жилище» [Гордон 2002: 92]. Вскоре, судя по дневниковым записям между 12 и 24 июля, шотландец начал склоняться к поступлению на русскую службу и окончательно решил на это уже в Риге 28 июля [Ibid.: 98, 100].

Еще одну версию событий сохранил «Родословец князей Козловских», который боярин князь Козловский представил в Палату родословных дел 18 апреля 1682 г., а 20 марта 1688 г. представленное родословие было внесено в «Бархатную книгу» [Новиков 1787; Антонов 1996:

194–196]. Версия непосредственного участника событий, возможно, записанная либо самим престарелым героем, либо одним из его детей, также расходится с версиями и его польских противников, и их шотландского наемника. Как редкий пример русского нарратива, заочно вступившего в дискуссию с западными оппонентами, эта запись достойна самого пристального внимания, поэтому позволим себе развернутое цитирование:

И перед королем Полским Варшавою он, князь Григорей Афанасьевич, приведен был в полате при их духовнаго чину и при санатырех и иных государств при послех; и неправду гетманов и нарушение крестнова целования их обличал он, князь Григорей Афанасьевич Козловской, не бояся смерти... говорил об их неправде, что они, гетманы, нарушили крестное целование. И как ево велих королю, и под ноги подстилали знамена, на которых было изображение образов, и он, князь Козловской, не пошел, и за то он бит обухами и сослан был в далной полской город в Ланцут. И сидел в тюрьме земляной два годы, голод и всякую нужду терпел [Сборник исторический: 119 об.–120].

Рассказ начинается с краткого авторского описания событий, послуживших важнейшим поводом и причиной польского триумфа, а для России ставших самым тяжелым военным поражением в Тринадцатилетней войне 1654–1667 гг.:

И от множества крымских и полских людей в отходах шли и в осадах в трех окопех сидели восемь недель — голодную и всякую нужду терпел. И видя их, воевод и ратных людей крепкое и жестокое осадное сидение, полские гетманы Крест целовали, крымские салтаны шертовали, что было им боярина Василья Борисовича и ево князя Козловского и товарищей их и ратных людей отпустить в целости. И поляки крестное целование, а крымские салтаны шерть нарушили: ратных людей побили и в полон в Крым и в Полшу поймали. И боярина Василья Борисовича в Крым взяли, а ево, князя Григорья Афанасьевича Козловского, в Полшу [Сборник исторический: 119 об.].

Рассказ «Родословца» о Чудновской битве и польском триумфе по его случаю, подкрепленный переводом из Веспассиана Коховского (Краков, 1688 г.), заключали вирши «На возражение стихи», обращенные к Польше и завершавшиеся патетической декларацией, что через все перечисленное содеянное зло и бесчестье не будет торжествовать Польша над Москвой:

Неправость в договоре вами содеяна,
Полше в том Виктория ваша есть попрана

Бесславием, ибо ты в любви отпустить
Желала; да изволит Москва отступить

От тебе и более да не утруждает
Тя; бранию тем покой конечный предает

Но ты, неблагодарна, оный получивши,
Воеводы царския все уничтоживши.

Перва Шереметева тоираном предала,
Християнина врагом во муку предала.

Втораго Козловскаго князя, обличивша
Дерзновенно неправость твою всем явивша,

Вместо чести арестом чрез многия лета
Трактовала; от злобы и лишала света.

И всем людем много зло тобой нанесении
Бысть тем Москвой не будет ти торжественнии.
Во веки, Аминь!

[Сборник исторический: 132].

Не вызывает сомнения, что разыгранный в Краковском предместье Варшавы военный триумф являл собой репрезентацию не только короля Яна II Казимира, но и возрожденной из пепла Речи Посполитой, обращенную как к подданным Республики, так и к иностранным дипломатам и правительствам. Однако в вопросе о реальности романтизируемых польской публицистикой побед точку в отношении Чудновского польского триумфа ставят сами поляки, практически дословно подтверждая оценки князя Григория Афанасьевича Козловского. Так, 1 июня 1674 г., принимая у себя первого русского резидента стольника и полковника Василия Михайловича Тяпкина, подканцлер и гетман полный Литовский Михал Казимеж Радзивилл, обсуждая новоизбранного короля Яна III Собесского, вспомнил и о его участии в Чудновской кампании:

...когда во время войны съ Его Царского Величества бояры и воеводы корунных гетманов за неправым поступком тех их гетманов учинилась отдача в Крым Царского Величества боярина и воеводы Василья Борисовича Шереметева; и тогда он, гетман, а нынешней государь их, Его Королевское Величество, тому их неправому совету множественно противился и с немалым прещением говорил, что они, гетмани коронные, в том учинили неправду и не по християнскому обычаю [Статейный список: 146 об.-147].

Несомненно, без какой-либо романтики, но как к инструменту информационной войны относилось к газетным вестям и русское правительство Алексея Михайловича, что наглядно видно из переписки царской канцелярии (Приказа тайных дел) с комиссаром Гебдоном о замене в

западных газетах польских авиз на русские. Информационной войне русские учились у своих западных соседей со времен летучих листов Ливонской войны. Наиболее ярким эпизодом этой «войны перьев» стала работа походной типографии Стефана Батория во время его Псковской экспедиции [Филиушкин 2013: 410–481]. В эпоху расцвета европейского нарратива, из которого уже в XVII в. зарождались жанры художественной литературы, сама парламентарная структура Речи Посполитой со слабой королевской властью и сильной магнатерией создавала крайне благоприятные условия для развития и публицистики, и разнообразных форм информационной борьбы как на внешнем, так и на внутреннем «театре информационных военных действий» (см., например: [Augustyniak 1981: 207–208 i inn.]).

Приложения

Текст документов подготовлен в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР». Текст источника передается по современным правилам орфографии и пунктуации. Вышедшие из употребления буквы заменяются буквами современного алфавита. Выносные буквы помещаются в строку, титлы и другие принятые на письме сокращения раскрываются без специального обозначения и примечаний. Буквенная цифирь передается арабскими цифрами. Утраты текста отмечены отточием, восстановленный по остаткам букв и по смыслу текст заключен в квадратные скобки; исправленные явные ошибки писца заключены в круглые скобки. В тексте польского оригинала сохранены сокращения, принятые в польской исторической науке при публикации документов; при передаче слов, написание которых изменилось, сохранена оригинальная форма написания текста XVII в.

Приложение 1

1661 г., сентябрь 11 — Перевод в Посольском приказе по заказу Тайного приказа фрагмента статьи специального выпуска первой польской газеты «*Mercuriusz Polski*» с описанием торжеств в Кракове по случаю побед польской армии в сражениях 1660 г.

(Л. 155) Перевод с польского письма с печатных курантов. *Привез ис Полши подьячей Ларион Иванов. Переведены в нынешнем во 170-м году сентября в 11 день⁷.

Июня в 17 день описание действ знатных, как паны гетманы корунные и Великого княжества Литовского великих побед с неприятелей

⁷ Вписано позднее другим почерком.

той Речи Посполитой недавно полученных и в давные лета не памятных радость отдавали.

Сейм нынешней, хотя красотою и собранием великого множества людей, всякому есть во дивление купно и с сказанием лепоты и можности той коруны, которая по многих тяжких напастях от своих падений тем славные востает, чем зельнее осуждена была у света к падению. Однако никакое стройство и наряд (Л. 156) лутчи очесам людским не показалось домовым и окрестным, как стройная езда панов гетманов обоих народов, как в город одни в день святые Троицы, а иные на завтрее в понедельник въезжали, ведучи вязней и знамена московские таковым урядством.

В неделю во 12-м часу пошли с стану своего пан маршалок корунный, пан воевода Браславский, пан воевода Черниговский, пан хоронжей, пан обозной, пан писарь, пан стражник корунные и ехали к воеводе Краковскому, там недолго мешкав, с посаду Краковского в замок тем стройством въезжали. Ввели прежде 8 коней велми стройно от злата и драгих камней убранных, за которыми ехало 100 драгунов, зачиналося потом стройная езда воинства корунного, (Л. 157) которых ехало 800 коней, а после их урядники войска корунного, между ими 2 каштелянские дети краковские Пототцкие, 2 воевод Краковского Пототцкого ж, а имянно пан староста Галитцкий, пан староста Краснославский, воеводич Браславский, пан крайчей Великого княжества Литовского, а за ними их милость паны гетманы, князь Радивил, подчашей Великого княжества Литовского, маршалок Избы Посолские сейму нынешнего, князь Бугуслав Радивил, конюшей великого княжества Литовского, князь Юрьи Михайло на Черторижску воевода Браславской, пан Стефан на Чарнце Чарнетцкой, воевода земель Руских, потом за ними — гетманы оба: пан воевода Краковский, пан маршалок корунной и отполевой а тот по правой руке. (Л. 158) Какие все имели лошади, какие были дорогие оружия и конские * и иные⁸ наряды и красоты тое езды, невозможно описать, оставляючи место разума також природной гордости того народу, которая не удовлетворена споровуючися с ьными окрестными народы красотою, но и сами меж собою тож чинят, а також лутче видитца замолчать такие дела⁹ того великого нежели менши годно оное подать до ведомости.

За ними, немного помешкав, ехали на конех вязни московские знатнейшие, меж которыми князь Козловской, гетман полный, и иных многих урядников царских и думных бояр також и меньших полковников сколко на десят. (Л. 159) За теми собранным собранием слуг, молодежи, товариства человека пешево сколко сот, потом ротмистр пешей его милости пана воеводы Краковского на лошади, пехоты за ним 200 в красном

⁸ Вписано над строкой.

⁹ В ркп. слово по ошибке повторено.

платье обычаем полским шло с музыкаю, несучи 137 хорунг московских и все корысти от неприятеля побрано, которые то хоругви хотя все были прекрасные добре, однако краснейших и лутчих было 8, досталные голубые (с) серебром, много писанных, которые на отводе войска московского всегда бывали, а за ними 2 белые, також добре серебром и золотом писаны, а на них 2 орлы золотые двоеглавные с венцом царским.

За тою пехотою гнали вязней 100 сколко на десять, за вязнями (Л. 160) шла хоруговь пешая его милости пана маршалка великого, гетмана полного корунного в голубом платье с музыкаю. После — хоруговь також пешая князя его милости Радивиля, подчашего Великого княжества Литовского, маршалка Избы Посолские в платье красном обычаем полским с музыкаю, за ними драгуны князя его милости пана конюшего, которые ездю окружали.

Их милость пан гетманы пошли до короля его милости с своим наслідством, а другие собранные люди на низу остались. Украсил, долго не мешкаючи, король его милость особю своею сенаторскую избу. Там их милость паны гетманы велели привести знатных вязней московских, а преж их немного пришествия его милость пан воевода краковский, начав говорити, показывал их королю его милости короткими, (Л. 161) но прекрасными словесы. При том деле дал князь Козловский с себя приклад или не вовременного великого разумения или нескорого припомнения когда забывая что персону вязенскую имеет, преж хотел говорить до короля его милости, нежели поклонитися, а понеже в споре стал или не мог так скоро опаматоватся пришло ему от лица милостившаго князя несчастья лютьцкого и в неприятелех жалеющего немного посрамнелн отходит. А знамена победы под ноги его королевской милости у кресла жолнеры бросали. Потом чтено все дела воинские их милостей панов гетманов.

Речь знатная и от многих до разсуждения годная придалась в то время, когда те дела воинские чли, два орлы неведомо откуль прилетели (Л. 162) и, поиграв счет часа над городом и над Вислою меж Прагою и Варшавою, потом оба от горы городской розделився полетел один прямо через Скаришев к Минску на восход солнца а другой — до Белой Луки на полночь, что ниодному припомнило 3-го орла, которой над войском нашим долго летал, когда цело войско Шереметево нашим поддавалося, и, упав на землю, был от татарина скоро епанчею накрыт и его милости пану маршалку отдан.

Назавтре тем же образцом выезжал его милость пан воевода Виленский, гетман Великого княжества Литовского. Ехали також при нем многие сенаторы и урядники войсковые. Вязни хотя знатные и в чине немалом шли пехотою вместе с меншими как те, которые никакой доброты не тешились а здорве их в руке победителя было, хоругвей несено 190

и несколько которые (Л. 163) отдаваны таким же образцом. Меж теми хоругвями были 2 особные: се есть корнет богато шитой на нем писаной лев, которой за чюприну держит особу в образец поляка, а другою ногою замерился мечем стинать ево. А на самом останку хоругвь показана добре серебром и золотом украшенную несла с одной стороны царя, на лошади, богато прибранной, сидящего, а в руке скифетр держащего, перед ним — башня каменная, которой верх облаки покрыт, в облаках — Крест золотой а кругом ево — звезды; а на другой стороне сидел царь на лошади, а в знак лежащего короля копием пробивал. Меж вязнеми был воевода Новгородцкий Павел Митрофанович Голенищев з женою и з детми. Жону и невесту вышиною сверх достоинства высокую ведена до королевы ее милости з двумя московками. А вязни (Л. 164) посполитых сколко сот задержано на дворе замковом под окнами.

Так совершились дела другого должного победителства, которое в ближней четверк се есть в празник Божия Тела отправлялся, когда все те вышепомянутые хоругви Господу Богу показаваны и во время звычайного того дня походу под ноги престолу Божию в сакраменте святом от его милости ксенза бискупа Краковского внесеному явно в костеле Новомейском брошены были. Показалось в том деле мудрое разсуждение и христинская смирность короля его милости. Тут же по его милости ксензу бискупу идучего, что как скоро его милость ксенз бискуп прошел, велел поднести те хоругви и по них топтать сам не хотел.

[РГАДА. Ф. 27. Приказ тайных дел. Оп. 1. № 621. Л. 155–164].

Приложение 2

(S. 269) N. XXXVI

Merkuryusz Polski Ekstraordynaryiny de data 17 iunii, 1661, zamykaiący w sobie opisanie aktów solennych jako IchMM PP hetmani koronni y Wielkiego Księstwa Litewskiego wielkich Victorii z nieprzyaciół tey Rzeczypospolitey świeżo odniesionych, a dawnym wiekom niepamiętnych trophaea JKMcі oddawali¹⁰.

Seym terazniejszy aczkolwiek wspaniałością, ozdobą i konkursem mnóstwa wielkiego ludzi, każdemu jest podziwieniem, a oraz argumentem zacności y możności tei Korony, która po tak wielu ciężkich parocizmach z własnych ruin y popielisk eo augustius powstawa(ła), im bardziej osadzona była u świata do upadku. Jednak żadna pompa i magnificentia bardziej oczu nie

¹⁰ Это специальное дополнение к № 35, в котором встречается единственное упоминание об этом событии: *Merkuriusz Polski Ordynaryjny od dnia 10 do 17 junii 1661, s. 268* // e-Kolekcja Czasopism Polskich. URL: http://buwcd.buw.uw.edu.pl/e_zbiory/ckcp/merkuriusz/numer35/imagepages/image8.htm [дата обращения 22.12.2019].

powabiła domesticorum, simul ac exterorum, iako solenna kawalkata IchMM PP hetmanów oboygа narodów, która do zamku jedni w dzień ś. Troyce¹¹, a drudzy w poniedziałek nazaiutrz wieźdzali, prowadząc więźnie y znaki¹² moskiewskie porządkiem takowym.

W niedzielę o godzinie jedenastej na półzegarzu ruszyli się z residency swoich JMP marszałek wielki koronny¹³, ksiązę JMP woiewoda braclawski¹⁴, JMP woiewoda czerniechowski¹⁵, JMP chorąży¹⁶, JMP obożny¹⁷, JMP pisarz¹⁸ i JMP strażnik¹⁹ koronni y iechali do JMci pana woiewody krakowskiego²⁰. Tam niedługo zabawiwszy ruszyli się Ich Mść z Przedmieścia Krakowskiego ku zamkowi y tak eo ordine wieźdzali. Prowadzono naprzód 8 koni bardzo bogato od złota y drogich kamieni ubranych, za którymi (S. 270) iechało 100 draganey. Zaczynała się po tym ozdobna kawalkata rycerstwa koronnego, którego iechało koni około 800. Cleudobant onę expressi superius Ich MM PP urzędnicy woyska koronnego. Między nimi dway Ich MM PP kasztellanicowie krakowscy Potoccy²¹, dway drudzy Ich MM PP Potoccy, woiewodzicowie krakowscy²², to iest JMP starosta halicki²³ y JMP starosta krasnostawski²⁴, JMP

¹¹ В 1661 г. приходился на 12 июня.

¹² Sztandary — ‘знамена’.

¹³ Ежи Себастьян Любомирский (Jerzy Sebastian Lubomirski, 1616–1667), маршалок великий Коронный (1650–1665) и гетман польный Коронный (1657–1665).

¹⁴ Михал Ежи Чарторыйский (Michał Jerzy Czartoryski, 1621–1692), воевода Брацлавский (1658–1661).

¹⁵ Станислав Казимир Беневский (Stanisław Kazimierz Bieniewski, ум. 1676), шляхтич, с 1648 г. выполнял дипломатические поручения, королевский секретарь (1650), депутат сейма по пацификации Украины (1655), комиссар короля Яна Казимира на переговорах с гетманом Иваном Выговским (1658), один из главных творцов Гадячской унии.

¹⁶ Ян Собеский (Jan Sobieski, 1629–1696), великий коронный хорунжий, позже — король Ян III (1674–1696).

¹⁷ Анджей Потоцкий (Andrzej Potocki, не ранее 1618–1663), великий коронный обозный (1655–1661), с июля 1661 г. — воевода Брацлавский.

¹⁸ Ян Фредерик Сапега (Jan Fryderyk Sapieha, 1618–1664), польный коронный писарь (1653–1664).

¹⁹ Станислав Ян Яблоновский (Stanisław Jan Jabłonowski, 1634–1702), великий коронный стражник (1660–1661), позже — великий коронный гетман (1683–1702) и воевода Краковский (1692–1702).

²⁰ Станислав Ревера Потоцкий (Stanisław «Rewera» Potocki, 1579–1667), великий коронный гетман (1654–1667) и воевода Краковский (1658–1667).

²¹ Сыновья великого коронного гетмана и краковского каштеляна Миколая Потоцкого (Mikołaj Potocki, ум. 1651) — Миколай и Якуб.

²² Сыновья краковского воеводы и гетмана Станислава Реверы Потоцкого.

²³ Анджей Потоцкий (Andrzej Potocki, ум. 1692), позднее — польный коронный гетман и каштелян Краковский.

²⁴ Феликс (Счастной) Казимир Потоцкий (Feliks (Szczęsny) Kazimierz Potocki, 1630–1702), позже — великий коронный гетман и каштелян Краковский.

województwie braclawskim²⁵, JMP krzeczy Wielkiego Księstwa Litewskiego²⁶, JMP maior, syn JMP podkomorzego halickiego²⁷. Immediate zaś przed same-
mi Ich MM PP hetmany ksiązę JMśc Radziwił(ł) podczaszy WKsL, marszałek
izby poselskiej seymu terażniejszego²⁸, ksiązę JMP Bogusław Radziwiłł ko-
niuszy WKsL, ksiązę JMP Jerzy Michał na Czartorysku wojewoda braclaw-
ski, JMP Stephan na Czarny Czarniecki wojewoda ziem ruskich. Tandem za
niemi Ich MM PP hetmani oba, JMPan wojewoda krakowski [Stanisław Potoc-
ki. — *Аем.*], JMP marszałek koronny [Jerzy Lubomirski. — *Аем.*], ten po lewey
a tamten po prawey ręce. Jakie wszyscy mieli konie, iakie były kosztowne
rynsztunki y siedzenia y insze tey kawalkaty ozdoby trudno wypisać, zosta-
wując campum domysłowi, a oraz wrodzoney magnificentiey narodu tego, któ-
ra nie contenta certamine z splendorami obcych narodów sama z sobą zwykła
aemulari. A też consultius zda się silentio venerari takowe cirumstanciey aktu
tego zacnego niżeli mniey godnie ono podać do wiadomości.

Za niemi iakoby factio interuallo, iachali na koniach więźniowie mos-
kiewscy nayznacznieysi, między któremi kniaź [Grigorij — *Аем.*] Kozłow-
ski, hetman polny y innych wielu urzędników czarskich y dumnych boiarów,
tudzież mniejszych pułkowników kilkanaście. Za temi conglobato agmine,
sług, młodzi, towarzystwa, człowieka pieszo z kilkaset. Po tym rotmistrz
pieszy²⁹ JMP wojewody krakowskiego konno, piechoty za nim 200, w barwie
czerwoney³⁰ trybem polskim szło szeregami z muzyką³¹ niosąc 137 chorągwi
moskiewskich y wszystkie trophea ex hoste quaesita; które te chorągwie acz
wszystkie były ozdobne bardzo, iednak nayzacnieysze i ceinieysze (S. 271) by-
ły 8 na ostatku błękitnych, srebrem bogato malowanych, które na odwodzie
woyska moskiewskiego zawsze zwykły były bywać, a za niemi dwie białe,
także bogato srebrem y złotem malowane, a na nich duae Aquilae aureae bi-
cipites cum Corona Imperiali.

²⁵ Ян Потоцкий (Jan Potocki, ум. 1675/76), сын брацлавского воеводы Стефана. Был на сейме послом от галицкого сеймика.

²⁶ Кишиштоф Потоцкий (Krzysztof Potocki, 1600–1675), брат гетмана Станислава Потоцкого.

²⁷ Упомянутым подкоморием Галицким с 1642 г. и на момент описываемых событий был Ян Теодорик Потоцкий (Jan Teodoryk Potocki, 1608–1664), брат гетмана Станислава и посол на этот сейм, который имел двух сыновей: Кишиштофа Сендживоя и Богуслава.

²⁸ Михал Казимир Радзивилл (Michał Kazimierz Radziwiłł, 1635–1680), литовский подचाший (с 1656), 30 июня 1661 г. назначенный каштеляном Виленским.

²⁹ Франтишек Шелиговский (Franciszek Szeligowski), командир пехотной хоругви польского строя в войсках гетмана Станислава Потоцкого.

³⁰ Barwa czerwona — здесь: мундир красного цвета. Вероятно, речь идет о кунтушах одного из оттенков красного спектра.

³¹ Trybem polskim — здесь: тип пехоты, ведущий свою историю от польской пехоты XVI в., обмундированной в польское платье и вооруженной мушкетями; музыка — здесь: 'оркестр'.

Za to piechotą pędzono więźniów sto kilkadziesiąt; za więźniami szła chorągiew piesza JMP marszałka wielkiego, hetman polnego koronnego [Jerzego Lubomirskiego. — *Aem.*] w barwie błękitnej z muzyką. Po tym chorągiew także piesza księcia JM [Michała Kazimierza. — *Aem.*] Radziwił(ł)a, podczaszego WKsL, marszałka izby poselskiej w barwie czerwonej trybem polskim z muzyką. Za nimi dragania księcia JM Pana koniuszego lit[ewskiego] [Bogusława Radziwiłła. — *Aem.*], która kawalkatę zawierała³².

Ich MM PP hetmani poszli do Króla Jego Miłości z swoją komitywą, a druga congeries ludzi na dole została. Ozdobił długo nie bawiąc KJM praesentią swoją senatorską izbę. Tam Ich MM PP hetmani kazali przyprowadzić znaczniejszych więźniów moskiewskich, a immediate przed przyściem JMP wojewoda krakowski zacząwszy mowę praesentował³³ ich KJM krótkimi ale poważnymi słowy. Przy tym akcie dał kniaź Kozłowski z siebie exemplum, vel intempestiuae generositatis, vel omissae reflexionis, kiedy zapomniawszy, że personam capitui gerebat, wprzód chciał przemówić do KJM aniżeli pokłon oddać. A że przy uporze został, czy nie mógł się tak prędko rekolligować, przyszło mu a facie benignissimi Principis, vices humanas etiam in inimicis condolentis, trochę confuse odchodzić. Insignia zaś victoriae przed nogi JKM u baldachinu żołnierstwo rzucało. Czytana potym była relacya obszerna wszystkich progressów woennych Ich MM PP hetmanów³⁴.

Res notabilis et a multis notata occurrit pod ten czas kiedy tę relacyą czytano, dway orłowie co wiedzieć skąd przylecieli y pobuiawszy z quadrans nad zamkiem y nad Wisłą między Pragą a Warszawą. Po tym oba od góry zamkowej rozdzielwszy się poleciał ieden prosto przez Skaryszów ku Mińskowi³⁵ na wschód słońca, a drugi ku Białoleczę³⁶ na północy. Co nie iednemu przytoczyło na pamięć trzeciego orła, który nad woyskiem (*S.* 272) naszym długo latał, kiedy całe woysko Szeremetowe naszym się poddawało, a upadszy na ziemi był od Tatarzyna chyżo opończą nakryty y JMP marszałkowi presentowany.

Nazaiutrz podobne okoliczności wiazdu y kawalkaty JMP woiewody wileńskiego, hetmana WKsL³⁷ były. Jechało też przy tey grono senatorów i urzędników woyskowych, więźniowie choć znaczni y w liczbie nie małe szli

³² Kawalkatę zawierała — ‘замыкала кавалькаду’ / ‘закрывала парад’.

³³ Praesentował — *здесь*: ‘представил’.

³⁴ См.: [Rellatia Ich MM PP].

³⁵ Скарышув — теперь часть варшавского района Праги; Минск Мазовецкий — город, расположенный в 40 км на восток от Варшавы.

³⁶ Ныне район Варшавы, расположенный в северной части висленского правобережья. В 1656 г. — место трехдневной Варшавской битвы польско-литовских войск со шведско-бранденбургскими во время Потопа.

³⁷ Павел Ян Сапега (1609–1665), гетман великий Литовский и воевода Виленский (с 1656).

piechotą zarówno z podlejszemi iako, ci którzy nullo capitulationis beneficio gaudebant, a zdrowie ich in manu victoris było. Chorągwi niesiono sto dziewięćdziesiąt y kilka, które oddawano pari ceremonia. Między tymi chorągwi-ami były dwie osobliwie, to iest kornet bogato szyty, na nim malowany lew, który za czuprynę trzyma osobę na kształt Polaka, a drugą nogą zamierzył się mieczem ścinać go. Chorągiew zaś na samym ostatku praesentowano³⁸ bogatą bardzo srebrem y złotem ozdobiona. Niosła z iednej strony czara na koniu bogato przybranym siedzącego, a w rękę sceptrum trzymającego. Przed nim brama murowana, której wierzchny kapitel obłoki okrywały, w obłokach krzyż złoty, a około niego gwiazdy. Na drugiej zaś stronie siedział czar na koniu, a (na) wznak leżącego na ziemi króla kopią przebiiał. Między więźniami był wojewoda nowogrodzki Paweł Mitrofanowic Goleniszczow³⁹ z żoną i z dziećmi. Żonę białogłową staturae plus iusto procerioris wodzono do Królowey Jey Mości ze dwiema Moskiewkami. Więźniów zaś pospolitych kilka set zatrzymano in area zamku pod oknami.

Tak się skończyły praeliminaria drugiego powinnego tryumfu, który w blisko następujący czwartek, to iest w dzień Bożego Ciała⁴⁰ odprawował się, gdy wszystkie te wyżej wyliczone chorągwie P. Bogu praesentowane y pod czas zwyczajney onego dnia processyey pod nogi Maiestatowi Boskiemu w Sakramencie Przenaświętszym⁴¹ od JM księdza biskupa krakowskiego⁴² noszonemu publice w Kościele NowoMieyskim⁴³ rzucane były. Emicuit w tym razie prudens circumspectio, et Christiana moderatio króla JM, immediate po JM księżę biskupie [Andrzeju Trebickim. — *Азм.*] następującego, że iako skoro JM księżę biskup przeszedł, kazał podnieść te chorągwie i po nich deptać sam nie chciał.

³⁸ Здесь: продемонстрировано.

³⁹ Павел Митрофанович Голенищев — о нем не приводит сведений А. П. Барсуков в своем справочнике по городovým воеводам, он не упоминается ни в Актах Московского государства (Столбцы Московского стола Разрядного приказа), ни в боярских книгах 1639 и 1658 гг., что дает основание предполагать в случае его реальности чин провинциального сына боярского (новгородского?). Однако для установления его личности требуется специальное исследование, поскольку внесенная в «Бархатную книгу» родословная Голенищевых-Кутузовых не опубликована [Антонов 1996: 128–129].

⁴⁰ В 1661 г. пришелся на 16 июня.

⁴¹ Речь идет о Святом Причастии или об облатках (опресноках), которые носят во время процессии в дароносицах.

⁴² Анджей Требицкий (1607–1679), епископ Краковский (1658–1679).

⁴³ Имеется в виду костел Благовещения Пресвятой Девы Марии, находящийся на варшавском Новем Мясте (Новом городе).

Библиография

Источники

О приглашении в Россию

РГАДА. Ф. 27. Приказ Тайных дел. Оп. 1. № 118. Ч. III. 373 л.

Перевод польского Меркуриуша

РГАДА. Ф. 27. Приказ тайных дел. Оп. 1. № 621. Л. 155–164.

Подлинное объявление

РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 1. Стб. 1661 г. № 7.

Сборник исторический

РГАДА. Ф. 188. Рукописное собрание ЦГАДА. Оп. 1. Кн. 475. 132 л.

Статейный список

РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 1. Кн. 161. 601 л.

Rellatia Ich MM PP

Archiwum Państwowe w Gdańsku. Nr 300. R/Ee. 19, 391–467

Merkuriusz Polski 1

Merkuryusz Polski: dzieie wszytkiego świata w sobie zamykaiący dla informacyey pospolitey, 35 (od dnia 10 do 17 junii), Kraków, 1661.

Merkuriusz Polski 2

РГАДА. Ф. 155. Иностранные ведомости (куранты) и газеты. Оп. 2. № 7–34

Литература

Антонов 1996

Антонов А. В., *Родословные росписи конца XVII века*, Москва, 1996.

Бабулин 2006

Бабулин И. Б., Состав русской армии в Чудновской кампании 1660 года, *Рейтар. Военно-исторический журнал*, 28 (4/2006), 22–41.

Бантыш-Каменский 1897

Бантыш-Каменский Н. Н. *Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). Часть третья (Курляндия, Лифляндия, Эстляндия, Финляндия, Польша и Португалия)*. Москва, 1897.

Герасимчук 1913

Герасимчук В., Чуднівська кампанія 1660 р., *Записки Наукового товариства імені Шевченка*, 113, Львів, 1913, 44–68.

Гордон 2002

Гордон П., *Дневник. 1659–1667*, гер. с англ., ст., примеч. Д. Г. Федосова. Москва, 2002.

Гурлянд 1903

Гурлянд И. Я., *Иван Гебдон. Коммисариус и резидент*, Ярославль, 1903.

Королев, Майер, Шамин 2009

Королев А., Майер И., Шамин С., Сочинение о монахах из архива Посольского приказа: К вопросу о культурных контактах России и Европы в последней трети XVII столетия, *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 4 (38), 2009, 119–120.

Курбатов 2003

Курбатов О. А., «Литовский поход 7168 года» кн. И. А. Хованского и битва при Полонке 18 июня 1660 г., *Славяноведение*, 4, 2003, 36–40.

— 2019

Курбатов О. А., *Русско-польская война 1654–1667 гг.*, Москва, 2019.

The Polish Triumph in Warsaw in 1661 on the Occasion of the Victories of the Polish-Lithuanian Troops of the Previous "Happy Year": the Moscow Translation of a Special Issue of the First Polish Newspaper "Mercuriusz Polski" from the Archive of the Secret Chancellery

Майер 2008

Майер И., ред., *Вести-Куранты. 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг., 2: Иностранные оригиналы к русским текстам*, Москва, 2008.

Новиков 1787

Родословная книга князей и дворян российских и выезжих, Н. И. Новиков, сост., 2, Москва, 1787.

Опись архива 1990

Опись архива Посольского приказа 1673 года, Шмидт С. О., ред., Гальцов В. И., подг. к печ., 1. Москва, 1990.

Пчелов 2011

Пчелов Е. В., *Бестиарий Московского царства: животные в эмблематике Московской Руси конца XV–XVII вв.*, Москва, 2011.

РИБ 1907

Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией (РИБ), 21: *Дела Тайного приказа*, С.-Петербург, 1907.

Соболева 2006

Соболева Н. А., *Очерки истории российской символики: От тамги до символов государственного суверенитета*, Москва, 2006.

Соловьев 1991

Соловьев С. М., *Сочинения. В 18 книгах*, 6: *История России с древнейших времен*, 11–12, Москва, 1991.

Филюшкин 2013

Филюшкин А. И., *Изобретая первую войну России и Европы: балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков*. С.-Петербург, 2013.

Шамин 2011

Шамин С. М., *Куранты XVII столетия: Европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати*, Москва, С.-Петербург, 2011.

Ярмошик 2019

Ярмошик И., Чуднівська Військова кампанія 1660 р. в історії України, *Воєнна історія Середньої Наддніпряниці. Матеріали Всеукраїнської наукової конференції*, Київ, 2012, 128–132.

Augustyniak 1981

Augustyniak U., *Informacja i propaganda w Polsce za Zygmunta III*. Warszawa, 1981.

Ннілко 2012

Ннілко А., *Wyprawa Cudnowska w 1660 roku*, Warszawa, 1931 [repr.: Oświencim 2012].

Korzon 2005

Korzon T., *Dola i niedola Jana Sobieskiego 1629–1674*, 1, Kraków, 1923 [repr.: Poznań, 2005].

Kroll 2008

Kroll P., *Od ugody Hadziackiej do Cudnowa. Kozaczyzna między Rzeczpospolitą a Moskwą w latach 1658–1660*, Warszawa, 2008.

Lankau 1960

Lankau J., *Prasa staropolska na tle rozwoju prasy w Europie: 1513–1729*, Kraków, 1960.

Libiszowska 1955

Libiszowska Z., *Pierwsza gazeta polska — "Mercuriusz Polski" — i jej rola w walce o reformę ustroju w poł. XVII w.*, *Prace Polonistyczne*, 12, 1955, 187–205.

Majewska-Grzegorzczukowa 1956

Majewska-Grzegorzczukowa R., "Mercuriusz Polski" z 1661 roku i początki periodycznego piśmiennictwa polskiego, *Przegląd Nauk Historycznych i Społecznych*, 7, 1956, 7–48.

Nagielski 2013

Nagielski M., Kampania cudnowska 1660 roku, *Studia z dziejów Rzeczypospolitej z Państwem Moskiewskim w XVI–XVII wieku*, M. Nagielski, K. Bobiatyński, P. Gawron, red., Zabrze, Tarnowskie Góry, 2013, 290–314.

Ossoliński 2000

Ossoliński Ł. *Kampania na Ukrainie 1660 roku*. Warszawa, 2000.

——— 2006

Ossoliński Ł., *Cudnów – Słobodyszcze 1660*, Warszawa, 2006.

Pisma do wieku 1880

Pisma do wieku i spraw Jana Sobieskiego zebrał i wydał Fr. Kluczycki, nakładem Akademii Umiejętności, 1–2, 1 (= Akta Historyczne do objaśnienia Rzeczy Polskich służące, 2), Kraków, 1880.

Przyboś, Magdziarz 1975

Przyboś K., Magdziarz W., „Merkuriusz Polski” jako element propagandy dworu w zestawieniu z „Gazette de France”, *Studia Historyczne*, 2, 1975, 167–169.

Romański 2008

Romański R. *Cudnów 1660*, Warszawa, 2008.

References

- Antonov A. V., *Rodoslovnye rospisi kontsa XVII veka*, Moscow, 1996.
- Augustyniak U., *Informacja i propaganda w Polsce za Zygmunta III*, Warszawa, 1981.
- Babulin I. B., Sostav russkoi armii v Chudnovskoi kampanii 1660 goda, *Reitar. Voenno-istoricheskii zhurnal*, 4 (28), 2006, 22–41.
- Filyushkin A. I., *Making the first war between Russia and Europe: Baltic Wars of the second half of the 16th century in opinion of contemporaries and descendants*, St. Petersburg, 2013.
- Hniłko A., *Wyprawa Cudnowska w 1660 roku*, Warszawa, 1931.
- Korolev A., Maier I., Shamin S., A Treatise on Demons from the Archive of the Posol'skii Prikaz: about Cultural Contacts between Russia and Europe in the Last Third of the 17th Century, *Old Russia. The questions of Middle Ages*, 4 (38), 2009, 119–120.
- Korzon T., *Dola i niedola Jana Sobieskiego 1629–1674*, 1, Kraków, 1898.
- Kroll P., *Od ugody Hadziackiej do Cudnowa. Kozaczyzna między Rzeczpospolitą a Moskwą w latach 1658–1660*, Warszawa, 2008.
- Kurbatov O. A., “The Lithuanian Campaign in 17168” by the Prince I. A. Khovansky and the Battle Near Polonka, *Slavianovedenie*, 4, 2003, 36–40.
- Kurbatov O. A., *Russko-pol'skaia voina 1654–1667 gg.*, Moscow, 2019.
- Lankau J., *Prasa staropolska na tle rozwoju prasy w Europie: 1513–1729*, Kraków, 1960.
- Libiszowska Z., Pierwsza gazeta polska “Merkuriusz Polski” i jej rola w walce o reformę ustroju w poł. XVII w., *Prace Polonistyczne*, 12, 1955, 187–205.
- Maier I., ed., *Vesti-Kuranty. 1656 g., 1660–1662 gg., 1664–1670 gg.*, 2: *Inostrannyye originaly k russkim tekstam*, Moscow, 2008.
- Majewska-Grzegorzczkova R., “Merkuriusz Polski” z 1661 roku i początki periodycznego piśmiennictwa polskiego, *Przegląd Nauk Historycznych i Społecznych*, 7, 1956, 7–48.
- Nagielski M., Kampania cudnowska 1660 roku, *Studia z dziejów Rzeczypospolitej z Państwem Moskiewskim w XVI–XVII wieku*, M. Nagielski, K. Bobiatyński, P. Gawron, red., Zabrze, Tarnowskie Góry, 2013, 290–314.
- Ossoliński Ł., *Cudnów – Słobodyszcze 1660*, Warszawa, 2006.
- Ossoliński Ł., *Kampania na Ukrainie 1660 roku*, Warszawa, 2000.
- Pchelov E. V., *Bestiarii Moskovskogo tsarstva: zhi-votnye v emblematike Moskovskoi Rusi kontsa XV – XVII vv.*, Moscow, 2011.
- Przyboś K., Magdziarz W., “Merkuriusz Polski” jako element propagandy dworu w zestawieniu z “Gazette de France”, *Studia Historyczne*, 2, 1975, 167–169.
- Romański R., *Cudnów 1660*, Warszawa, 2008.
- Schmidt S. O., Galtsov I. V., eds., *Inventory of the archive of the Embassy order in 1673*, Moscow, 1990.
- Shamin S. M., *The Courants of the 17th century: The European press in Russia and the emergence of the Russian periodical press*, Moscow, St. Petersburg, 2011.
- Soboleva N. A., *Ocherki istorii rossiiskoi simvoliki: ot tamgi do simvolov gosudarstvennogo suvereniteta*, Moscow, 2006.
- Solovyov S. M., *Sochineniia v 18 knigakh*, 6: *Istoriia Rossiis s drevneishikh vremen*, 11–12, Moscow, 1991.
- Yarmoshyk I. I., Chudniv'ska Viiskova kampaniia 1660 r. v istorii Ukraini, *Voenna istoriia Seredn'oi Naddn'prianshchini. Materiali Vseukrains'koi naukovoï konferentsii*, Kyiv, 2012, 128–132.

Piotr Kroll, Doktor historii,
adiunkt w Instytucie Historycznym Uniwersytetu Warszawskiego
Warszawa, Krakowskie Przedmieście 26/28, 00-927
Rzeczpospolita Polska / Poland
p.kroll@uw.edu.pl

Александр Витальевич Малов, кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Центра военной истории России
Института российской истории Российской академии наук (ИРИ РАН)
117292, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19
Россия / Russia
supilluliuma@yandex.ru

Степан Михайлович Шамин, кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Центра по изучению отечественной культуры
Института российской истории Российской академии наук (ИРИ РАН)
117292, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19
Россия / Russia
shaminy@yandex.ru

Received August 14, 2019